

Валерий Четверкин
Легкий мир

2018 г.

Валерий Викторович Четверкин

Легкий мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30475974

ISBN 9785449056146

Аннотация

Огромен мир, на кончике иглы, Или – ужат, в пространстве бесконечном, Мы сами строим все свои углы, В своем существовании – беспечном.

Содержание

Узоры родины – истории Руси	6
Предисловие	6
Глава 1. Рюриковичи	7
Часть 1. Начало	7
Часть 2. Жизнь Сокола	14
Часть 3. Вещий Олег	24
Часть 4. Князь Игорь	32
Подвиг танкиста	47
Она пришла, как наказание – лету	50
Нарисованный мир	51
Сокровища беспорядка	53
В дорожной петле	55
Победа 1945 года!	57
2013 год	58
Путь смутьяна	58
Осень	59
Зеркало	60
Судья	61
Посильное	62
ЖЕНЩИНА	63
Мы все – пространство	64
Путь к цели	65
Букет мудрости	66

В ледяной пустыне	67
Личное пространство	68
В поисках счастья	69
Мы	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Легкий мир

**Валерий Викторович
Четверкин**

© Валерий Викторович Четверкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5614-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Узоры родины – истории Руси

Предисловие

По сплетням, слухам, домыслам, преданиям,
По диспутам историков времен,
Мы приобщаемся к давно забытым знаниям,
Осмыслив все – логическим путем.
И толку нет вести пустые споры,
Доказывая правильность идей,
Ведь хочется, чтоб «повестью» своей,
Раскрылись прошлого, неясные узоры.
И, пусть историки, меня не судят строго,
Ведь факты черствые – основа для труда,
И если, что-то «приукрасим» – господа,
То не беда, ведь мнений очень много.
Призвав терпение на помощь, и труды,
Историков – различных поколений,
Отправим образность в потоки разных мнений,
Чтоб отыскать пропавшие следы. . . .

Глава 1. Рюриковичи

Часть 1. Начало

От Одера до Вислы, от Балтики к Карпатам,
Среди лесов дремучих и степей,
По берегам озер и водным перекатам,
Расположились поселения людей.
В те темные, глухие времена,
Уже не все таились в норах, по корягам,
Никем не занятым пещерам, и оврагам,
И в скромных хижинах селились племена.
А если есть, пусть небольшой, но кров,
Спасающий от бурь и непогоды,
Он стал привязывать кочующие роды,
В селения малые, с защитой от врагов.
Но расселения славян не прекращались,
Гонимые под властью внешних сил,
Род, кто остался, быстро уходил,
И скоро все рода перемешались.
Причины разные, пожар, не урожай,
Врагов завистливых разнузданные орды,
Или какая хворь приходит в край,
Или зверей лесных оскаленные морды.
Рода объединялись в племена,

А племена объединялись для набегов,
Чтоб наказать коварных «печенегов»,
Чтоб, хоть на время, воцарилась тишина.

И наслаждаясь этой тишиной,
В июльском мареве, или январской стуже,
Народ трудился и работал над собой,
Чтоб завтра было также, а не хуже.
Кто земледелием прокармливал свой род,
Грибами разными, кореньями, охотой,
Кто рыболовством, кто разводит мед,
Кто занят кузницей, или другой работой.
Все жены пряжу прядками прядут,
Мужам своим, к одеждам, для походов,
Девушки хлеб для ужина пекут,
Со смехом возвращаясь с хороводов.
И если мир вокруг, то мир царит в семье,
И благочинные застолья под молитву,
И меда крынка, в праздничном столе,
Плясания с музыкой, в разгар кулачной «битвы»,
И песни с присвистом, и чинные беседы,
И стать уверенная – завтра встретить беды.

Ремесел было много в те года,
Природа заставляла шевелиться,
Построить кров, от непогоды скрыться,
И шкуры выделывать, чтоб выжить в холода.
Ковалась утварь и оружие для войн,
Набеги повторялись непрерывно,

И чтобы защитить семьи – покой,
В селениях кузнецы трудились – рьяно.
Вражда была всегда, и земли, и богатства,
Разнились у родов, обилием своим,
И бились меж собой, на смерть, свои же братства,
А иногда, родами, с войною шли к другим.
Фракия Римская извела не раз
Опустошающую ярость столкновений,
Под звон мечей, и тысячи мгновений,
И блеска жуткого, озлобившихся глаз.
Враги, однако, стоили друг друга,
Легионеры Рима, и славяне,
Одним – покорность, лучшая подруга,
Другим – свободы, поднятое знамя.
И долго помнили те берега Цутры,
Усеянные римскими костями,
Как мчались диким натиском цунами,
Славян бушующих – тяжелые щиты.
Как дрогнул и поддался легион,
Как разорвав исколотые цепи,
Перуновы дрались нещадно дети,
Под гомон перепуганных ворон.
И длинная защитная стена,
Что Анастасий выстроил оградой,
Спасала Фракию, в те злые времена,
Став для народа Римского – наградой.
Но как не усилили стену ту,
Со множеством различных укреплений,
Хильбудий всем устроил суету,

Вторгаясь в дебри славинских владений.
И вскоре все рода объединив,
Славяне римлян встретили достойно,
И, мало кто тогда остался жив,
И, ненадолго, стало всем спокойно.

Враги всегда боялись тактики славян,
Их скрытности, стремительности, мощи,
Умения всегда найти изъян,
В любой защите, в поле, или в роще,
В теснинах узких, или на реке,
Он появится мог, с копьем в своей руке.

Так было и с Иллирией тогда,
Из-за Истра, прорвавшись сквозь преграду,
Рода славян, заняв все города,
Для римских войск устроили засаду.
И, помня о Хильбудия – могиле,
Наместник двинуть войско побоялся,
И за пределами Иллирии остался,
Своей, уже, не доверяя силе.
Пятнадцать тысяч римлян, за рекой,
Тревожно к выступлению ждут приказа,
И, кажущимся был для них покой,
Пока их земли, пользует – «проказа».

Отряд славян, в три тысячи числом,
Меж тем Истру форсировал для битвы,
И в два отряда, почитав молитвы,

Обходят римлян, сразу с двух сторон.
И войско римское, значительней по силе,
Приказы командиров выполняя,
Разбить славян в отдельности решили,
Всех сил своих, никак не разделяя.
И битва разыгралась с двух сторон,
Славяне бросились, как волки на оленя,
Круша ряды, и копий не жалея,
Под гром щитов, и пораженных – стон.
Под натиском смешались все ряды,
Трещали копья, топоры и луки,
От ратной тяжести, уже слабели руки,
И ноги мощные включались для борьбы.
И, были римляне разгромлены тогда,
Юстиниан, обеспокоенный провалом,
Гвардейских конников бросает в никуда,
С телохранителем и воином – Асбадом.

Так в крепости фракийской Тузурул,
Собрались силы римлян для отпора,
Что бы себя избавить от позора,
Что ветер с северо-востока им «надул».
Славяне понимали, что в степи,
Не удержать им конную атаку,
Что марафонами от копий не уйти,
Коли в степи, они затеют драку.
И ночью темной, в полной тишине,
Охрану сняв на стенах Тузурула,
Ворвались в крепость – призраком во сне,

Нежданной гибелью дозорных караула.
И снова звон мечей накрыл округу,
В кровавых отблесках открытого огня,
И бились воины спинами друг к другу,
Теснины крепости, в душе своей кляня.
И луки с копьями сменили на кинжалы,
И пот кровавый землю пропитал,
И рог победный звонко прозвучал,
Когда Асбада воинов не стало.

Война меняла нравы и границы,
Определяя численность племен,
Со временем, родов сменялись лица,
Кто выжить смог, и не был истреблен.
Народы расселялись по Европе,
По новым и нехоженным местам,
В степях широких, или по лесам,
Рисуя карты, как в калейдоскопе.
Одни селились в западных краях,
Других влекли восточные пейзажи,
А третьих степи южные и пляжи,
На неприступных черноморских берегах.
Древляне, Кривичи, Поляне, Северяне,
Дреговичи, Радимичи и Русь,
Ильменские Славене, Полочане,
Их перечислить всех, уже я не берусь.
Одно нам ясно, с тех времен глубоких,
Родилось множество богатых городов,
С историей зажиточных родов,

Побед и поражений битв жестоких.

Часть 2. Жизнь Сокола

Междоусобицы, у них не мало лиц,
Жестокость крайняя, обманы и предательства,
И, вот уже приводят обстоятельства,
Под звон мечей, и зарево зарниц.
Как мало было нужно для войны,
Желания рубить у всех хватало,
И расширять границы стороны,
Для очень многих значилось не мало.
Разлад племен, ослабил города,
Враги – кочевники, обкладывали данью,
И мы сейчас, читаем по преданиям,
Как в Новгород, на вече, шли рода.
Как Гостомysl – старейшина совета,
Огладив бороду морщинистой рукой,
Взывал к народу, ради силы света,
Найти правителей, чтоб наступил покой.
Объединиться многими родами,
Под дланью встать правителя страны.
И выбраны мужи, идти послами,
Чтоб трон приняли, Рарога – сыны.

И ждали тех послов, и Кривичи, и Весь,
И Чудь, и Новгородцы в ожидании,
И разговоров – трепетная взвесь,
Была полна простым переживанием.

Каким их будет князь, что принесет с собой,
Какие ждаты еще им перемены,
Опять войну, обманы и измены,
Или спокойствие, для жизни городской.
Торговые дела, далеки от земли,
А в Новгороде купцов жило не мало,
Да и товаров, разных здесь хватало,
И шли груженные, торговые лоды.
Великий путь, что из варяг и в греки,
Был важным стратегическим пятном,
Тогда торговлю развивали реки,
Служив удобным транспортным окном.
На стругах грациозных шли в походы,
Когда к границам приближался враг,
И Ладоги – синеющие воды,
Противникам отдать нельзя никак.
И мудрый Гостомысл все понимал,
Объединяться – время им настало,
И в Новый город, внука он призвал,
Кто ратных подвигов свершил уже не мало.
И шла молва о Рюрике тогда,
Как о бесстрашном, сильном воеводе,
Его походы – на устах в народе,
А он с дружиною, пленяли города.
Как под его тяжелою рукой,
Ватаги рушились разрозненных народов,
И двигались границы, от походов,
Его дружины, что бросалась в бой.

И утром ранним, в солнечных лучах,
Простор закрыли убранные струги,
Резвился ветер, в плотных парусах,
Скрипели мачтовые ванты, от натуги,
Народ на пристани толпился в суете,
Купцы, степенные, не вдалеке стояли,
Всем миром – князя, с нетерпением ждали,
На площади толкаясь, в тесноте.
О пристань стукнулись смоленые борта,
Канаты сброшены, привязывая лодки,
И, вот дружинников – летящие походки,
Да желтой осени, простая красота.
Степенно Рюрик вышел на причал,
Окинул взором городские стены,
И все почувствовали сразу – перемены,
И от восторга, Новгород кричал.

Забот полно, в те было времена,
Открытые, свободные границы,
Через которые летят по небу птицы,
И шли враждебные, чужие племена.
И, чтобы прекратить набеги эти,
Взять под контроль теперь уж свой народ,
В Изборске – Тровор расставляет сети,
А Синиус – Белозеро берет.
У Рюрика уходят командиры, Аскольд и Дир,
С дружинами, в поход.
В богатый мир, толпой, в Константинополь,
«Повеселиться», если – повезет.

Дружина множится, то Кривичи, то Весь,
Свои ватаги князю посылают,
Их здесь и воинским искусствам обучают,
Сбивая праздность, неприкаянность и спесь,
И тело тренируется для боя,
И дух крепчает в воинском строю,
Чтоб встретить смерть с оружием, и стоя,
И не погибнуть, в праведном бою.
Собрав дружину, Рюрик на лодьях,
Идет к Смоленску, биться ли, брататься,
Ведь если будем тонко разбираться,
Здесь говорили на понятных языках.
Здесь и обычаи похожие и нравы,
Бога одни и те же, стать и быт,
Гостеприимство бесконечное, наряды,
И путь к добросердечности открыт.
И встретились они в открытом поле,
Радимичи, и Кривичи, и Чудь,
И обнялись, и радовались воле,
Открыв другим, такой же чистый путь.

Как и Смоленск, и Муром, и Ростов,
Приняли дружбу прямо и открыто,
И в миг уже, вражда была забыта,
Среди сынов, похожих городов.
И навыки уже, передавались боя,
Как уберечься от разящего меча,
Как щит держать, метать сулицу – стоя,

И не подставить спину, сгоряча,
Как в долгий, утомительный поход,
Готовить обувь, амуницию, одежду,
И не терять глубокую надежду,
Что защищен, отныне будет род.

На западе еще остался Киев,
С высоким берегом глубокого Днепра,
И Рюрик думал, что уже пора,
Лететь туда, стрелой свистящих крыльев,
Объединить последние рода,
Границы выставить, врагу на упреждение,
В той стороне уже родился каганат,
И надо ждать хазар, из опасения.
Дружины собраны, и войска дух силен,
Врагу не кланяться, обороняться надо,
Он в степь смотрел, своим тревожным взглядом,
Как лучше выставить, из Русичей – заслон.

А в Новом городе, меж тем, кипела жизнь,
Трудился люд рабочий, кузницы дымили,
С товаром новым лодьи заходили,
С рядов торговых выкрики неслись.
Пока их князь отправился в поход,
Купцы свои дела не прекращали,
Рядились в лавках, сходки посещали,
И каждый свой тогда имел доход.
Одно не нравилось, князь воинство увел,
А если, вдруг, откуда враг прорвется,

Тогда с товарами прощаться им придется,
И снова в вотчине начнется беспредел.
Белозеро с Изборском далеко,
Пока наместники оттуда доберутся
Купцы с боярами давно передерутся,
И успокоится им будет нелегко.

Вадим прекрасно это понимал,
Общаясь и с боярами, с купцами,
Волхвам, свое недоброе шептал,
Их называя родными отцами.
И говорил, что если князь придет,
Поборами задушит для дружины,
Он сам себе, свое всегда возьмет,
А им погибели желает, и кончины.
Пока не поздно, нужно извести,
Братьев его в Белозере, Изборске,
И чужеземных воинов привести,
И золота отсыпать им, по горстке.
И что дешевле золотом платить,
Чем содержать огромную дружину,
И что сегодня миром надо жить,
А не гонять, ватаги на чужбину.
Купцов отправили с отравленным питьем
И к Творору в Изборск и к Синиусу,
И стали упрекать народ – житьем,
Что не по нраву то для них, и не по вкусу.
Что надо скоро смуту поднимать,
Чтобы вернуть себе всей вольницы – награду,

И, что «варяжьих» братьев надо гнать,
И не пускать их в город, за ограду.
Так скоро у Вадима завелись
Благой приспешник, и народец наглый,
Не стало братьев, замыслы – сбылись,
Ему же подарили кличку – «Храбрый».

До Рюрика дошла молва о мятеже.
О смерти братьев, в отданных владениях,
И с частью воинства помчался он уже,
Гасить пожар боярского волнения.
Как гром средь неба в Новгород влетел,
И меч, мятежников, его разил нещадно,
Дружинники ловили беспощадно,
Всех тех, кто вольности, на крови, захотел.
Купцов, бояр, волхвов, народец наглый,
Искали по ларям и погребам,
Чтоб б дальше люду, не было повадно,
С поклонами идти к чужим гербам.
Кто смог, спаслись, бежали в Киев град,
Чтоб жизнь свою начать уже с начала,
А в Новом городе, рабочий люд был рад,
Что смут боярских, в жизни их не стало.
Что князь с дружинами границы стережет,
Спокойно можно бытом заниматься,
Что хлеб в полях, уже никто не жжет,
И люди стали чаще улыбаться.

Но к Рюрику покой не приходил,

Раздумья горькие его сейчас терзали,
Пусть он мятеж сегодня подавил,
Но завтра каганат побьет – едва ли.
Увы, мощны кочевники числом,
И управлялись грамотно, умело,
И пусть его дружины, знают дело,
Есть смысл разить, не силой, а умом.
Пока не поздно, двинутся на юг,
Объединить оставшиеся роды,
Все упорядочить, понадобятся годы,
И в Киев им придется делать крюк.
Так был заключен мирный договор,
В противоборство многочисленным хазарам,
Но Рюрик знал, Аскольд и Дир, не даром,
На Киевский, послов, пустили двор.
Богат был Киев, и хорош собой,
Закрыт Днепром, от вражеского гнета,
Но и возможен, с Новгородом бой,
На лодьях – соколиного полета.
И мир был выбран в качестве меча,
Что острием направлен к каганату,
Так руку помощи, собрат подал собрату,
Объединив, два праведных плеча.

Но мирным, договору, быть не суждено,
Аскольд поход на Новгород затеял,
И ветер битв – междоусобицы, повеял,
И звон мечей, земли окрасил – полотно.
Как стаи дикие, озлобленных зверей,

Они бросались в сторону друг друга,
В пределах ими созданного круга,
Своих амбиций, долга, матерей.
Четыре года длилась та война,
Аскольду Новгородцы, не давались,
И, ожиданием в землянках предавались,
Когда в землянки загоняла их зима.
С весны приходом, Рюрика дружины,
Аскольда – воинство разбили наконец,
И заслужив себе, защитников – венец,
На мерились идти на город Киев.

Но Рюрик понимал, что, удлинив границу,
Ее ведь надо будет удержать,
И будет много жертв, доколе, Киев – брать,
Так, пусть уж лучше, выкупят – столицу.
Хазары «спят» пока, и набирают сил,
Но и идти, сейчас на них – безумие,
И, давит тяжестью, глубокое раздумье,
Под тенью скорбной, родственных могил.
Немного время есть, чтоб укрепить дозоры,
И ратные дружины обучить,
И жизнью мирной, отдохнув – пожить,
Закрыв на время, распри и раздоры.

Серебрится роса на полях, созревающих хлебом,
И пасутся коровы, на опушках зеленых дубрав,
А на берег Волхва, вышел князь, под синеющим небом,
На прогулку и думы, городские пейзажи, избрав.

И года, что прожил, вереницей ложатся на память,
Годы ратных трудов, и пылающий отблеск зарниц,
И тепло от печи, что дарило им яркое пламя,
И ласкающий взгляд, и дрожание супружних ресниц.
Тельце хрупкое сына, что ему подарила Ефанда,
Иностранных послов, их, всегда неизменную спесь,
И Аскольда и Дира, сазмозванцев – предателей, банду,
И хазар, необузданных, непонятную, южную смесь.
Как управится всем, упредив неизбежность явлений,
Киев – будущий враг, но своими руками не взять,
Пусть другие берут, нам не нужно сейчас воевать,
Думал князь, избавляясь, от своих мимолетных
сомнений.

Но, хвороба и раны, свое делали черное дело,
Князь совсем похудел, потерялась привычная стать,
И в мятежной душе, он сразиться с хазаром, хотел бы,
Только время ушло, и настала пора – умирать.
Он Ефанду позвал, с ее братом Урманским – Олегом,
И владения свои, вместе с сыном ему передал,
И наказ говорил, чтоб страну новый князь защищал,
И могучей стеной на пути стал – Хазарским набегам.
Закрывались глаза, силы князя уже оставляли,
Видно срок его бранный, для страны и родных подошел,
И упала рука, и в дубравы Велесовой дали,
Величаво и гордо, он на вечную память – ушел.

Часть 3. Вещий Олег

Наследство Рюриково, князь Олег принял,
И земли Новгородские, и Муром,
Смоленск с Ростовым – знатные фигуры,
Нет только Киева, чтоб юг оборонял.
Сменился князь, но княжич очень мал,
Ему расти, и набираться силы,
И надобно, пока свежи могилы,
Всех навестить, кто Рюрика признал.
Объехать вотчины, собрав свои отряды,
Усилить пограничные заставы,
И, подготовив флот, для переправы,
Идти на Киев, для союза, иль – осады.
Война с Аскольдом в памяти свежа,
Когда полянин, поднял меч на брата,
И, вот сейчас, должна прийти расплата,
Чтобы пресечь во век, попытки мятежа.

Так, лодьи княжеские плыли по Днепру,
Вокруг сменялись живописные пейзажи,
Тенистых заводей, чарующие пляжи,
Под плеск волны, от весел, по утру.
Аскольд и Дир, коварные князья,
И думы тяжкие Олега угнетали,
Оставить их в живых никак нельзя,
А успокоятся они уже – едва ли.

Но и народ ни в чем не виноват,
Что их правители – варяжские бандиты,
И, если живы будут, не убиты,
Не будет мира здесь, один большой разлад.
Причалив к берегу, Олеговы лоды,
Пришвартовались к Киевским причалам,
И Новгородские, к князьям, ушли «купцы»,
Сказать, что флот мол, под Олеговым началом,
В Константинополь, мол, везут товар продать,
Пришли поклон отбить, что с ними подношения,
Для Киевских князей, из уважения,
И просят тех спуститься – все забрать.

Аскольда с Диром вывели к судам,
В которых ратники дружины хоронились,
И встал Олег, и вымолвил мужам,
Чтобы с пути его они посторонились,
Что самозванцы те, и княжить не могли,
Что обманули род, своей ватагой,
И алчностью, и показной отвагой,
И что предания старины не сберегли.
Что княжить будет Игорь у славян,
И Киев град столицей Руси станет,
Мать городов, величием воспрянет,
Среди степей бескрайних, праведных полян.
А самозванцев, вынесли в холмы,
Где, выкопав могилы – схоронили,
И до сих пор, потомки не забыли,
Как меж собой дрались, славянские сыны.

Олег, меж тем, задумал навестить,
Еще не прикрепленные народы,
И Северян, с Радимичами роды,
Кто дань хазарам, вынужден платить.
И говорил, я неприятель им,
А с вами у меня вражды не будет,
Платите мне, и земли защитим,
И пусть хазарин, путь сюда забудет.
С Древлянами, такой же разговор,
И легким их обременил – повозом,
Готовить шкуры к будущим морозам
Чтоб по границам, не замерз дозор.

Пора пришла и силу показать,
Чтоб внешний враг задумался немного,
Что стоять будет, на восток – дорога,
И стоит ли за это – умирать.
Так собрались значительные рати,
Две тысячи людей, по берегам,
В лодью, по сорок размещалось братьев,
Готовых и к походу, и к боям.
По берегу Днепра, и конные дружины,
Приказа ждали выступить в поход,
Славянские, собрались здесь мужчины,
Чтоб показать врагу, какой сильнее род.
И, обуздав армадой водную стихию,
Отправился Олег, на Византию.

Расчет был правильный, боялся Лев Философ,
Армады Славинских, Олеговых лодей,
И, чтобы как-то уберечь своих людей,
Пролив сковал, чтоб не было вопросов.
Так цепью долгой, гладь загородив,
Надеялся закрыться от «набега»,
Не допустить дружинников в пролив,
Но не продумал, замыслов Олега.
Срубив катки, дружины волокли,
Свои лоды, по суше, как по морю,
Таскать суда по перекатам – все могли,
И, этот труд, им не казался горем.
Струной натянуты канаты за спиной,
И дружный «Ух», и метры шаг за шагом,
Пусть не легко, но двигались отрядом,
И берег моря, потерялся за кормой.
Да, греки видели, как посуху идут,
Лоды врага, под всеми парусами,
Был ветер в помощь, и, судите сами,
Ведь он облегчил ратникам их труд.
Шли корабли вперед, и очень скоро,
Олег спускался на воды Босфора.

Конечно, начинались грабежи,
И ратники все брали без остатка,
Князь понимал, что уровень – порядка,
Когда закрыты и надежны рубежи.
Что воинский трофей – награда для бойца,
Что если не пустой пришел с похода,

То будет праздник, для семьи, и рода,
И воспоют родные – храбреца.
Князь не мешал, ведь цель его была,
Константинополя – богатства и припасы,
Соединялись здесь все выгодные трассы,
Путей торговых, и торговые дела.
Олега встретили с почетом, у ворот,
С припасами вина, и прочей снеди,
По стенам жался греческий народ,
И гости разные – торговые соседи.
И выкуп князь назначил Византии,
Двенадцать гривен каждому копью,
Отдельно выплаты от Полоцка, до Киева,
Не обсуждая выгоду свою.
Питье с едой, всем наказал – не трогать,
Отравлены они – те подношения,
В его душе, тогда жила тревога,
И за свои дружины – опасения.

Тогда и был заключен договор,
О долгосрочном мире с Византией,
Теперь сюда пути вели прямые,
От Нова города, на Византийский двор.
И для купцов, обещаны свободы,
И месячное также – содержание,
Здесь торговать могли славянские народы,
И мыться в греческих, общедоступных банях.
Здесь приобщиться можно, к разным «чудесам»,
Ремеслам новым, утвари и нравам,

И разным подивиться здесь забавам,
И всяким многоликим голосам.
Пошив себе шелковых парусов,
Олег собрал свою дружину для похода,
И, вот, на родину вернуться князь готов,
Дождавшись завтра ясного восхода.
К вратам Царьграда, чтобы мирно жить,
Не преклоняясь распрям и невздам,
Он приказал свой щит приколотить,
Как назидание – воинственным народам.
Окинув взглядом, город многоликий,
Ступив на борт, и, паруса подняв,
Уходит в Русь, с войсками, князь Великий,
Добро и мир, себе на борт приняв.

С восторгом князя встретил Киев град,
И «княжич», и «невестка», при параде,
И огоньки задора, в светлом взгляде,
И, разных кушаний, приятный аромат.
Шелк парусов, раскрасил весь причал,
Люд балагурил об Олеговых победах,
С рядов торговых, здравицы кричал,
И оптимизм звучал, в размеренных беседах.
И люди понимали – мир пришел,
Чтоб сеять хлеб, и поднимать ремесла,
Товаром торговать – готовить весла,
И, заниматься, в чем себя нашел.

Князь Игорь возмужал, уже не до забав,

А дома молодая ждет супруга,
И выезды, с проверками застав,
Их ненадолго разлучали друг от друга.
Границы сберегать, всегда был князя – долг,
И под рукой его, стоял готовый полк.
Олегу снится сон, как он с конем прощался,
Волхвы поведали, что тот его убьет.
Когда, не ведомо, но этот день придет,
Тогда Олег, в судьбу свою – вмешался.
Позвал он конюхов, и начал говорить,
Коня – беречь, и выезжать на воле,
Купать в Днепре, или гулять во поле,
Но скакуна к нему, уже не подводить.
И сколько лет прошло, княжения без коня,
Давно поход на Византию завершился,
Князь Игорь возмужал, остепенился,
А о коне, не думал он ни дня.
Что князя умер конь – конюший отвечал,
И ведомо ему, где кости те лежали,
В степи, у камня, если на закат,
И князь, с дружиною, к могиле поскакали.
И думал он тогда, солгали мне волхвы,
Я жив еще, но ведь коня не стало,
Поставил ногу князь, на череп головы,
Приняв змеи, отравленное жало.

Так умер князь Олег, что Вещим прозван был,
За прозорливый ум, смекалку, и отвагу,
За то, что всех вокруг, собрав, объединил,

Легендами вписав, всю жизнь свою, в бумагу.

Часть 4. Князь Игорь

И горький плачь пронесся по земле,
Народ любил, и уважал Олега,
Но думы Игоря, уже неслись во тьме,
Как встретить на границах – печенега,
Как рать готовить к будущей войне,
Когда Древляне с данью отказали,
Ведь все они, о печенегах знали,
И надо нынче дань платить – вдвойне.
Готовить воинов, оружие ковать,
Кольчуги, амуницию, шеломы,
Нельзя – врагу, оставить «голою» – рать,
Чтоб начались, набеги и погромы.

Его, внезапно, память ожила,
Накрыв прохладною волной воспоминаний,
И, вызвав образы из легких очертаний,
В спокойном ожидании – замерла.

Вода осенняя кружила желтый лист,
Охота – Игорю, не принесла успеха,
Да и река, теперь, была – помеха,
А воздух – звонкий, стал прохладно – чист.
Уключин скрип, раздался над водой,
Похоже, то рыбак проверил сети,
Собрав улов, уже с добычей этой,

Собрался выгребать к себе домой.
Постой мужик, наш Игорь прокричал,
На берег тот меня не переправишь,
А что же нет, тебя ведь не оставишь,
Ему из тьмы девичий голос отвечал.

Как звать тебя, красавица – ловец,
И край какой, родит такие дивы?
Спросил наш Игорь девушку – игриво.
Пойдешь со мною в Киев, под венец?
Возможно и пойду, коли сватов пришьлешь,
Ему с улыбкой дева отвечала,
Вдруг передумаешь, определись, сначала,
А с близостью, и лаской – подождешь.
Живем мы в Лыбутах, недалеко от Пскова,
И не простую жизнь мне предрекли,
И, видно, от известия такого,
Меня, родные – Ольгой нарекли.

Подворье Киева, красавицы – девицы,
Олега жесткий взгляд – иди и выбирай,
Прелестниц лучших, принял этот край,
Бери жену себе, хозяйкой, для светлицы.
Пора уже и род свой создавать,
Не все ж, безвылазно, кружиться по заставам,
Лесам, полям, да водным переправам,
Вагаги обучать, да воевать.
Спасибо князь, прекрасны девы все,
Но мне милей та девочка со Пскова,

Что ждет сватов, со сказанного слова,
И так умна, при всей своей красе.

Стук в горницу прервал раздумья князя,
Воспоминания растаяли, как дым,
Дав волю размышлениям иным,
И Игоря, «досуг» – разнообразив.
Вошел Свенельд, с понурой головой,
Дружины княжеской – бессменный воевода,
Готовы люди – князь, для нашего похода,
Чтоб выдвинуться следом за тобой.
Кольчуга, меч, шелом, короткий сбор,
И твердой поступью, выходит он во двор.

Древлянский князь, почти всю ночь не спал,
Его терзали смутные тревоги,
Князь Игорь не дитя, ему помогут Боги,
И, то что Киев будет здесь, он понимал.
Улыбка, тонкая, затронуло чело,
Да пусть приходит, здесь же все обсудим,
Гадать на будущее мы пока не будем,
Ведь печенегов к нам, еще не принесло.
А принесет, за Киев не в ответе,
У них свой князь, да и свои дружины,
Для печенега дом, лишь степи, да равнины,
Вот так и скажем мы о дани, на совете.
Мал затушил оплывшую свечу,
Убрал ставец, свои нахмурил брови,
Платить придется, будет много криви,

Коль эту свару, я не залечу.

Князь Мал был не высок, но благовиден,
Горбат, широк в плечах и родовит.
Был выбор на княжение – очевиден,
Так, как за Малом, дед Яртур стоит.
И знали все древлянские соседи,
Как обнаженный Мал, мог задавить – медведя.

Совета не было, была короткой схватка,
Дружина Игоря, сметя дружины Мала,
Заняли Искоростень – город, для порядка,
Обложив данью, большей – для начала.
Идти на поводу, князь Игорь не желал,
Не время нынче проводить в советах,
И слушать вздор, о бедах, и наветах,
Что приготовил Игорю князь Мал.
Готовится к войне, сейчас одна забота,
И чтобы южные границы укрепить,
Послал Свенельда, Уличей – побить,
Чтобы закрыть, от моря Русского – ворота.

Князь Мал был зол, отдать такую дань,
Которой и Олегу не платили,
Но что поделать, Киев нынче в силе,
Попробуй что сказать, или восстань.
Но ничего, придет и наш черед,
Шагами мерял Мал свою светлицу.
На печенега Киев двинется в поход,

Оставив слабо защищенную столицу.
А на войне, случайностей полно,
Стрела залетная, с засады печенега,
Хворобы разные, от холода и снега,
Что Игоря погубит – все равно.
Наследника же нет, а значит все возможно,
И действовать здесь нужно – осторожно.

Князь Игорь видит сон, Олег ведет невесту,
Она скромна, прелестна, молода,
И множество гостей, всем не хватает места,
И с князем под руку, идет она – горда.
Олег с улыбкой, руку взял его,
И передал невесту принародно,
И молвил всем, что так богам угодно,
Потомка Рюрика не видеть одного.
Храм Перуна, клинок меча в руке,
Волхвов роптание, всеобщее смятение,
И клятва Ольги, с поцелуем на клинке,
Женой быть верной, и при жизни, и в забвении.

Прохладный ветер задувал костры,
Рассвет позолотил макушки сосен,
Дубрав – листву, расписывает осень,
И не зудят над головами комары.
Князь Игорь размышлял, заканчивая сборы,
Да, печенегов надо упредить,
Договорится с ними, чтобы мирно жить,
Не допустив набег, и разоры.

Придет Свенельд с дружиной, вот тогда,
Покажем силу русскую на деле,
Успеем укрепить все города,
С мечом пройдем, в кочевничем уделе,
Чтоб знали все, сильна сегодня Русь,
И с внешними врагами – разберусь.

Кипела жизнь в подворьях Киевских князей,
Сновала челядь, младшая дружина,
Гоняли со двора простолюдинов,
А конюхи, поили лошадей.
Готовилась еда, для княжеского пира,
Варился мед, и пироги пеклись,
И запахи превкусные неслись,
В спокойный вечер окружающего мира.
Свенельд вернулся, кто-то прокричал,
Рога и трубы звуком тронули округу,
В галоп несутся лошади по лугу,
И победителей, люд Киевский встречал.

Князь вышел на крыльцо, подъехал воевода,
Неторопливо спешили, в поклон,
Обнялись крепко, всех заводят в дом,
Чтоб Игорю сказать, о торжестве похода.
Князь – Уличи твои, и Пересечень взят,
Почти три года город не сдавался,
Но, дело сделано, к нему Свенельд подался,
И дань положена, как, то – бога велят.
И пир был знатным, балыки, икра,

Ушица сборная, и пирогов – раздолье,
Меды лились до самого утра,
А скоморохи – тешили застолье.
И Игорь – князь, в награду воеводе,
За прикрепленный, Уличей – удел,
Дань от Древлян, Свенельду – повелел,
И речь завел, о скором их походе.
Да, други, мир подписан мной,
Но нет покоя, велика тревога,
Уж слишком алчен враг наш – кочевой,
И в степи их, для нас лежит – дорога.

Ковер ковыльный треплет ветерок,
Резвилось солнце, алою зарей,
На холм влетел, дружин – дозорный полк,
Сверкая латами меж небом, и землей.
В глазах у ратников задор и огонек,
Который год в степи гоняют печенега,
Да, вот уже и день тот не далек,
Когда в края родные тронутся, до снега.
В кровавых схватках враг отброшен на Дунай,
Рубили всех, кого в степи встречали,
Тогда каганы печенегов обещали,
Два поколения не трогать Русский край.
И витязи, под труб победных – «вой»,
Рядами строгими, отправились домой.

Роман, правитель Византии, полагал,
Олега смерть договоренность прерывала,

И дань возить в обязанность – пропала,
На то, что Киев град – претендовал.
Что, с печенегами воюет Игорь – князь,
Его забота степь, не Византия,
Холодные ночлеги в поле, грязь,
Костры, дозоры, стычки боевые,
Роман меж тем, Болгар предупредил,
Собрал войска, для скорого сражения,
И, чтобы не изведать поражения,
Оружием новым воинство снабдил.
Болгары же, увидев руссов – рать,
Должны – бегом, Роману рассказать.

Пока дружины гнали печенега,
По бесконечно-нескончаемой степи,
Князь Игорь, в Киеве, отстраивал лодьи,
Готовя их в Константинополь, для «набега».
Он понимал, что Византию надо брать,
Что дань она сама платить не будет
И договора пункты, быстро позабудет,
И, что не даст купцам славянским – торговать.
Пусть ратных сил, ему в поход, нужно не мало,
Но время есть, собрать войска, и обучить,
Скопить припасы, всех вооружить,
Дождавшись воинство, из степи, для начала.

Лодьи заполнили излучины Днепра,
Сверкали латы княжеской дружины,
В поход, славянские, отправились – мужчины,

Представить мощь – врагу, меча, и топора.
И рати двинулись вдоль берега реки,
За ними следом флот, под парусами,
С десятков тысяч людей, над волнами,
Которых провожали старики.

Вечерний берег пуст, тиха морская гладь,
Лишь плеск волны, от весельного хода,
Уже немного, до Босфорского прохода,
До Иерона, уж поди – рукой подать.
Враг показался, только несколько судов,
Пошли на встречу Игоревой силе,
Флот расступился, уподобившись – могиле,
Чтоб в плен их взять, без праведных трудов.
Взметнулось пламя, огненная буря,
Облизывала русские лодьи.
И сбить огонь, дружины не смогли,
И в воду прыгали, свои глаза зажмурив.
Вода горела, ад пылал везде,
Тонули ратники, захлебываясь криком,
Горела плоть, взывая о дожде,
Смерть пиновала, в исступлении – диком.

Не многие тогда спаслись в огне,
Князь Игорь отступил, с остатками дружины,
И в думах горьких, покидал чужбину,
Несясь в родную землю, на коне.
Оставить Византию он не мог.
Погибли многие, врага – предупредили,

Так проиграть, да при такой-то силе,
Какой же им, так помогает – бог.

В хоромах княжеских, собрав свою дружину,
Держал князь Игорь, дружеский совет,
Как грека бить, разгрому их – в ответ,
Чтоб наказать, коварную – вражину.
Где воинов взять, на их второй поход,
Как обучить, по скорому уставу,
Вокруг Руси, не обнулив заставу,
Но новый, войску, подобрать народ.
Словен собрали, Кривичей, Полян,
И Тиверцев с Варягами призывали,
И Печенегов, из дунайских далей,
Чтоб ратных сил, им выправить – изъян.
Лодьи починены, оружие – готово,
И князь, на Византию двинул – снова.

Роман встревожился, как можно лишь за год,
После такого полного разгрома,
Войска собрать, в своих пределах – дома,
И, с этим воинством, опять идти в поход.
Что ждать от Киева, очередной войны,
И разоренные поместья, и пределы,
Но грекам войны тоже не нужны,
От них в казне, всегда одни – пробелы.
Роман напуган, и уже готов,
На встречу Игорю, послать своих послов.

Посольство встретили в походе, на Дунае,
Князь принял их в шатре, на берегу,
В степи, где воды чистые бегут,
И горизонт, от края, и до края.
И молвили послы, не надо к нам идти,
Константинополь признает твое княжение,
Пусть будут легкими, домой, твои пути,
И принимаем мы, от Русов – поражение.
И будем дань платить, и больше, чем всегда,
И договор, писать к тебе прибудем,
Давай же князь, все трения – забудем,
Пусть, лишь торговля, наши свяжет – города.
А в знак признательности, ты дары прими,
Что Византия, с нами – откупом прислала.
Для возмещения, добра везли не мало,
Грузи же князь, его, на корабли.

Князь Игорь повелел поход остановить.
Нужды не стало, если есть – согласие.
Варягов с Печенегом, распустить,
Уладив с ними все их разногласия.
И рати развернув, идти домой,
Дружинам дав, и отдых, и покой.
И лишь предательства, не мог наш князь простить,
И печенегам дан приказ, болгаров – бить.

Княгиня Ольга – сына родила.
Их первенец, был – беспокойным малым,
И Ольга, сына, голосом усталым,

Однажды, Святославом назвала.
У князя много дел, послы из Византии,
Скрепя перами, пишут договор,
Своих послов, отправил – княжий двор,
В Константинополь, пункты править, кое-какие.
Когда взаимное согласие пришло,
О дружбе и любви, торговле и укладах,
Военной помощи, в конфликтах и разладах,
Они и мир, между народов, принесли.

Князь, по обычаю, собрав свои отряды,
На сбор полюдья, в земли, поскакал.
К Древлянам, в Искоростень, где «ватажил» Мал,
И там, где Киеву, давно уже не рады.
У Иерона много ратников легло,
Когда Босфорское сражение проиграли,
Что грек огнем силен, тогда еще не знали,
И, рать – варягами, пополнилась числом.
Германцы жадны до добычи и побед,
Хотя сражаются бесстрашно и умело,
И пусть, любви к богатству – нет предела,
Но исполняют, данный свой обет.

Князь Мал предвидел Игоря приход,
Пусть греки и щедры на подношения,
Из чувства страха, или уважения,
Но и казна, свой требует – доход.
Что жадны ратники, Мал чувствовал давно,
И, что князь Игорь, тронется за данью.

Вот, и конец, наступит – выжиданию,
И Игоря убьет он все равно.
Купить германцев, воз пообещав,
Отправил он людей своей дружины,
Но как-же сделать так, не без причины,
Чтоб Игорь с малою дружиной – приотстал.

Собрали дань легко, скрипят воза с поклажей,
Неспешно выезжая за ворота,
И, у дружинников, теперь одна забота,
Доставить дань, куда их князь прикажет.
Князь с малою дружиной пировал,
Старейшины Древлян, устроили застолье,
И стол ломился от избытка хлебосоля,
Чем Мал дружину князя угощал.
Мы, в Киев – князь, сготовили ватагу,
Не все ж – германцам, службу нам нести,
Свои бойцы нужны, и, ты уж князь – прости,
Замена есть своя, наемному – варягу.
Их посмотри, они уже в пути,
Прибудут в Искоростень, и согласны к службе,
Всегда готовы, за тобой идти,
Не денег ради, а по старой дружбе.
Прибудут, в след тебе пошлем гонца,
Чтоб ты, князь, принял их на пополнение,
А если, вдруг, какие, где – волнения,
То биться рядом будут до конца.

Князь Игорь понимал, Древлянам веры нет,

Но и бойцы нужны, проблем вокруг не мало,
И с Печенегами, забот еще – хватало,
А в крону леса, выбрался – рассвет.
Не вдалеке, раздался стук копыт,
Гонец, известия, доставить торопился,
Что уговор о пополнении не забыт,
И с новобранцами, обоз остановился,
Что князя ждут, принять в состав дружин,
Древлянских, подготовленных – мужчин.

И князь отдал приказ – обозу в Киев град,
Дружинникам при таборе остаться,
А сам, с дружиной малою, назад,
Спешит, ватагам новым – показаться.

Их встретили в лесу, и разгорелся бой,
Дружина малая, никак не растерялась,
И князя Игоря, она в бою, старалась,
Закрывать, от нападающих – собой.
Но силы не равны, под звон мечей, и стон,
Ряды редели княжеской дружины,
И, вот уже вплотную встали спины,
Под копии град, и стрел, со всех сторон.
Князь схвачен был, и меж дубов – распят
Как изверг дикий, мести на потеху,
Но нападающим, вдруг стало не до смеха,
Когда его, они узрели – взгляд.
И кроны всколыхнулись в небеса,
Кровь окропила чернозем кургана,

Князь жертвой стал, наветов, и обмана,
Услышав Рюрика, с Олегом – голоса.

Подвиг танкиста

Посвящаю подвигу Алексея Николаева.

И рассвет озарил, тишиной напоенные степи,
Сеть опавших окопов, и воронок беззубые рты,
И торчат из земли, блиндажей – деревянные крепки,
Что остались от боя, что прошел на кануне зимы.
Зашуршала листва, ветер ласково треплет березы,
Экипажи готовы, вновь столкнуться с заклятым врагом,
И отбить у него, эту землю, сквозь стоны и слезы,
Окроплённую кровью, под лощеным, чужим сапогом.

Заревели моторы, командиры вели переключку,
Выдвигались бригады, по местам дислокаций врага,
Матерясь перед боем, это стало обычной привычкой,
Как и вспомнить любимую, у родного в дали очага.
Берег Псела широк, взвод несется по низу лощины,
Доложила разведка, о скоплении тигров большим,
Значит только наскок, неожиданность в деле таком,
Не подавит врага, но под каски – добавит морщины.

В группу тигров метнулся капитан – командир батальона,
И с приказом «Вперед!», «За победу ребята!»,
«За мной!»,
Он рванулся вперед, в тот не равный, навязанный бой,

Лишь дыхание хриплое, доносилось с его микрофона.
Выстрел первый, удачно, разорвал бок немецкой
машины,
Развернувшись на месте, с трех ударов поджег и второй,
Уходить, маневрируй, не нарваться бы только на мины,
Но враги развернулись, и открыли по танку огонь.

Скрежет взрыва, осколки, перекошены лица танкистов,
Командир наш подбит, все, выносим его, ведь рванет,
Нас подбили, уходим, закричал наш механик связистам,
Вынося командира, сжав в кровавой руке – пулемет.
И в воронке укрывшись, изготовив оружие к драке,
Они видят, как немец развернул к ним машину свою,
Танк горит, ну и что, ведь раздавит, в бою, как в бою,
И рванулся он к танку, перекрыть путь – фашистской
собаке.

Жар съедает лицо, руки плавит рычаг поворота,
Но движок заревел, едкий дым застилает глаза,
Все, вперед на врага, пусть с другими сражается рота,
Этот мой уж теперь, и блеснула дорожкой слеза.
И вгрызаются в землю обгорелые траки машины,
Враг попятился, выстрелил, не попал сука, весь
второпях,
И на полном ходу, не сдаются в России – мужчины,
Он взрывает врага, оставаясь на веки в степях.

Так сражались деды, подарив нам свободу и небо,
Оставляя примеры своих подвигов, внукам в веках,

Колосятся поля после войн, и сражения – хлебом,
А о подвигах их, повествуют на всех языках.

Она пришла, как наказание – лету

С утра сегодня пасмурно и сыро,
Поплакал дождик, намочив листву,
Прохладный ветер, в ноги «божеству»,
Сметает краски, управляясь с миром.
Туман, укрыв овраги и ложбины,
Забылся сном, под гомон журавлей,
И улетают нити паутины,
За горизонты прибранных полей.

Она пришла, как наказание – лету,
Как неизбежность бесконечных величин,
Как ночь безлунная, что гасит силу света,
По воле не обузданных причин.
Она пришла не броско и не слышно,
Свинцом накрыв зеленый антураж,
Уже, наверное, готовит свой – кураж,
Плеснуть палитрой, красочно и пышно.

И, вот, украсив красками природу,
Морозцами взбодрив рябины куст,
Под занавес, хрустальной сделав воду,
Умчится прочь, под перво снежный хруст.
Она пришла, как наказание – лету,
Свою короткую исполнить – оперетту!

Нарисованный мир

Когда в темноте не пишутся строки,
Не мучают мысли о суетных днях,
Приходят на память простые уроки,
Что прожиты мной – второпях.
И думаешь ты, зачем торопился,
Куда-то ломился, куда-то бежал,
Вчера ты был трезв, а сегодня – напился,
Вчера был в семье, а сегодня – вокзал.
Какой в этом смысл, для чего это надо,
Крутиться волчком, по замерзшей земле,
Быть вечной игрушкой... вот это – награда,
Иль хлеба – буханкой, на грязном столе!
Быть трезвым «героем», с потушенным взглядом,
Иль пьяным «изгоем», с красивой мечтой,
И мажется жизнь, то нектаром, то ядом,
Весь быт, разбивая, своей суетой...

Не хочется жить в нарисованном мире,
Где трезвый «художник» попутал цвета,
Где здравая мысль утонула в «кефире»,
А праздник творит – простота.
Где мерзости света в законном почете,
Насилием, пачкая, смутные дни,
А люди, копаясь в «дорожном помете»,
Имеют проблемы одни...

А может совсем все не так, а иначе,
Здесь каждый владеет по силам своим,
Твори, и имей не помойку, а дачу,
Будь счастлив в семье, и любим!
Имей для себя не обузу, а дело,
Вопросы решая сегодняшних дней,
Тогда ты и в завтра посмотришься смело,
Под натиском новых идей!

Иди, выбирай, что душе твоей надо,
Красивый восход ли, дорожный капкан,
Крепкий кофе с утра, или кисть винограда,
Или зонтик дырявый, да с горилкой – стакан.

Сокровища беспорядка

Летит колесница времен, по засыпавшим землю могилам,
Воздавая по духу и силам, нам в заслугу земель, и огнем.
У истории нет оправданий, мы творим ее сами, сейчас,
Разрушая и созидая, все, что так озаботило нас.

И, придя в этот мир, мы уходим, наполняя собой суету,
И теряем здесь все, и находим, и вселенные, и пустоту,
Кто звездой сгорит без остатка, кто истлеет в «болоте»
своем,
Мы – «сокровища» беспорядка, того мира, в котором
живем.

И настройки врубив микроскопа, зарядив избиратель
времен,
Можно видеть веков – капилляры, напоенных водой
и огнем,
Можно видеть историю судеб, пятна яркие чьих-то
трудов,
Нас история не забудет, звон мечей, кастаньет, и оков,
Нас история разделила, на нули и червонный крест,
И в веках остается сила, вознесенная до небес,
И не важно, хулой или страхами, или данной нам всем
мечтой,
Путь героев усеян плахами, или пущенной в сердце
стрелой,

Путь героев усеян стонами и проклятием прошлых веков,
И победами, под знаменами, и парадами ратных полков,
Суть героев, вести в бессмертие, цель героев, добыть
свое,

И не важно, что мы – десертами, осчастливили —
воронье,

Все, что было, потомкам дадено, пусть смакуют,
на свой манер,

Наша жизнь не была украдена, наша жизнь, это им —
пример.

И рассудит героев время, раскатав по земле пергамент,
А грядущие поколения, свой распишут уже регламент,
И не важно, что дальше будет, и каким мир пойдет путем,
Мы – «сокровища» беспорядка, того мира, в котором
живем!

В дорожной петле

Зашуршала трава под усталой ногой,
С плеч свалился рюкзак, громко брякнув посудой,
Надо здесь отдохнуть, где есть тишь и покой,
Под счастливой звездой, под названием – чудо.

Тихо шепчет родник колыбельную песню природы,
Отгоняет огонь, надоевшую звонами гнусь,
Тени пляшут вокруг, в резких выпадах – танец свободы,
Только радости нет, лишь печально – усталая грусть.

И не ясно тебе, почему в ощущения свободы,
Вдруг закралась тревога, вперемешку со странным
чутьем,
Будто шел не туда, и не тем пробивался путем,
За спиной оставляя, города, дерзновенность, и годы.

Будто весь этот путь, стал насмешкой над истинной
целью,
Чем-то очень большим, и значительным в сути своей,
Будто что-то осталось, за тобою – закрытою дверью,
Сложным грузом души, в перепутьях дорог и страстей.

Свежий ветер и утро, разогнали вчерашнюю скуку,
А дорога у ног, тебя снова куда-то зовет,
И рюкзак за спиной, напрягает привыкшую руку,

Да соловушка серый, разливаясь по лесу – поет.

Но остался осадок, отголоском не понятой сути,
Мокрый след от дождя, на холодно-прозрачном стекле,
И судьба-кружевница, нити судеб на пальцах раскрутит,
Оставляя тебя, в бесконечной, дорожной петле.

Победа 1945 года!

Давно отпыхал закат войны,
Когда смешались слезы, кровь, и голод,
И смерти – непредвиденность, и холод,
И взрывами, растрепанные сны.
Когда под грохот яростных атак,
Сжимая челюсти, рвались на пулеметы,
Собой взрывая станции и доты,
Когда в смятении, отбрасывался враг.
Когда заводы круглосуточно дымя,
На фронт готовили зенитки и снаряды,
И молодежи не обстрелянной – отряды,
Бросались в жар военного огня.

Давно отпыхал закат войны,
Повержен враг, и сожжены трофеи,
Но грохот этой славной эпопеи,
Не забывается потомками страны.
И к тем могилам мы несем венки,
И вспоминаем прошлое – живое,
А ветеранам, что сегодня – старики,
Мы благодарны им, за небо – голубое.

2013 год

Путь смутьяна

Все призрачно вокруг и эфемерно,
Свет пишет тени, в сумраке ночном,
Нет резкости, и все вокруг – примерно,
Как жизнь, за пыльно-матовым окном.
И ты бредешь, от пустоты спасаясь,
Таким же, обезличенным путем,
Каким идут на, эшафот, не каясь,
Смутьяны, к испытанию – огнем.

Осень

Листом багряным мир укрыт унылый,
От красок ярких в заточении, проснусь,
И по ступеням, от морозца, стылым,
Путем истории загадочной, пройдусь...,
Несутся мысли, вихрь воспоминаний,
Картинки старые, в сознании моем,
И шелест не озвученных признаний,
И силуэты, уходящие в проем!!!

Зеркало

Что видим мы в стекле посеребренном,
Печаль в глазах, морщины прошлых лет,
Лицо усталое, проблемой убеленное,
Видение своих минувших бед.
Или задор в глазах, игристый блеск познаний,
Улыбка легкая, в мечтательный простор,
И ностальгическая вязь воспоминаний,
И тени чувств, невысказанных – вздор...
Что видим мы в стекле посеребренном,
Лишь отражение, своих различных «Я».

Судья

Поступков цвет, порой не различаешь,
Сквозь дым и пламя необъявленной войны,
Ты мечешься, страдаешь, обличаешь,
И суть добра, и козни сатаны,
Ты рвешь живое, мышцы, напрягая,
Не думая о завтрашних годах,
Но меркнет жизнь, свечою, догорая,
И белизна уже струится в волосах....
И осознав бессмысленность баталий,
Не нужный звон, зазубренных мечей,
Ты вспомнишь всех, которых убивали,
За идеалы обличенных палачей...,
И выйдя в ночь, за грань прожитых дней,
На суд предстанешь – совести своей!

Посильное

Летая над пустыней выживания,
И скорбный труд, повсюду наблюдая,
Себе, уже, не ищешь оправдания,
Спускаясь вниз, кому-то помогая...,
Что в силах сделать... , сломленным, помочь,
Кого приободрить красивым словом... ,
Себя, опустошив, умчаться прочь,
Крылом взмахнув, уже в обличье – новом!

ЖЕНЩИНА

Горнило бытия, огонь и лед вселенной,
Двух бесконечностей, извечная борьба,
Мятежный дух страстей, в проекции нетленной,
Что посылает нам, проказница судьба!
Для всех она всегда была загадкой,
В молчании своем, в безумии страстей,
В практичности, или истоме, сладкой,
В особой карме, для непрошенных гостей!!!

Мы все – пространство

Мы все, пространство, между полюсами,
Нагрев металла, в кузнечном бою,
Свою структуру, мы ваяем сами,
И сами точим, бритвенность свою.
С горнила страсти, в омут отчуждения,
Нас переключают глупые поступки,
Одни становятся крепки, на удивление,
Другие, мягкотелы, либо – хрупки.
И в технологиях природного процесса,
В изысках творческих, неведомой нам силы,
Выходят в этот мир, как из под пресса,
Злодеи, умницы, повесы, и дебилы.

Путь к цели

Плюнь пред собой, сверни куда-нибудь,
Дуй напрямик, к своей заветной цели,
К ней не ведет, другим пройденный путь,
Его не меряют, дни, месяцы, недели,
Лишь ноги сбив не хоженной тропой,
Преодолев в пути препоны и преграды,
Ты сможешь насладиться сам собой,
Пожав внимание, заслуги и награды.

Букет мудрости

Букет велик, достоинств и изъянов,
Слагаемых для мудрости твоей,
Терпимость – красный флаг, для хулиганов,
Доверие – конец беспечных дней,
От скромности, твои пусты карманы,
Умеренность, приводит к худобе....,
Что было ценным, нынче лишь – изъяны,
И это все – доступное тебе.

В ледяной пустыне

Промерзло все, в той ледяной пустыне,
В краю снегов, за белою чертой...,
Снежинок вихрь, приятен был мужчине,
И путь в ничто, укрытый пустотой.
И цепь следов, в безмолвии суровом,
Тебя ведут тобою выбранным путем,
В приют тепла, в забвение, под кровом,
В мирок, согретый ласковым огнем.

Личное пространство

И человеческой любви – непостоянство,
Определяет наше личное пространство,
Но мы уйдем от всех трагических историй,
Создав союз объединенных территорий.
И в этой зоне, станем мы общаться,
Друг друга изредка, иль часто навещая,
Любить и верить, снова расставаться,
Других, как и себя, не напрягая.

В поисках счастья

Мы счастье ищем, в суете дорожной,
В богатых, полнотельных сундуках,
В разрывах бомб вокруг, в забвении тревожном,
В периметрах защитных и замках.
Мы любим крайности, гармонию стирая,
Уверовав в защитную среду,
И бродим мир вокруг, от края и до края,
Как стайки рыб, в заиленном пруду.
Остановитесь, зацепив мгновение,
Замрите – статикой, в потоке суеты,
Не есть лекарство, скорость и движение,
Частиц метание, в глубинах пустоты.
Впитайте прелесть окружающей природы,
Улыбки лиц, не исчезающих в пространстве,
Просейте ветром, пласт своей породы,
Найдя гармонию и счастье в постоянстве.

Мы

Мы сами вскармливаем, собственные страхи,
Сварив похлебку из поступков бестолковых,
И сшив из ярлыков, цветных – рубахи,
Напяливаем на своих знакомых.
Мы строим мир таким, какой мы видим,
Противоречием к другому, выступая,
В любви к себе, других мы ненавидим,
О непреложном мира, забывая.
Мы верим в чудо, что свершится с нами,
И ждем с небес его, как ветер перемен,
Но пожинаем, что сажали сами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.